

УДК 378

О ПРЕПОДАВАНИИ ФИЛОСОФИИ НА НЕФИЛОСОФСКИХ ФАКУЛЬТЕТАХ

Н. А. Мещерякова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 5 марта 2009 г.

Аннотация: обосновывается необходимость преподавания философии на нефилософских факультетах, исходя из имманентно присущего человеку «метафизического чувства», рожденного человеческой безмерностью и требующего своего предметного воплощения. Подвергается критическому анализу общепринятая практика преподавания философии, связанная с разделением курса на две части, именуемые «историей философии» и «философскими проблемами».

Ключевые слова: гуманитаристика, метафизическое чувство, безмерность, бытие и встреча с бытием, гений и гениальное прозрение, история философии, философские проблемы.

Abstract: the author substantiates the necessity of studying philosophy in non-philosophical departments due to the thesis that every human being has immanent «metaphysical sense» based on human wholeness that needs its realization. Also the author criticizes the widely spread point of view states that university course of philosophy should be divided in two separate parts: «history of philosophy» and «basic philosophical problems».

Key words: humanitarian sciences, metaphysical sense, wholeness, truth, being, genius, genius insight, history of philosophy, philosophical problems.

Великие свершения наук о духе практически не устаревают.
Х.-Г. Гадамер

Не устаревают, как не увядает вечная молодость Джоконды или вечное очарование пушкинского «чудного мгновения»...

Собственно, это направление мысли и является основной темой моих размышлений о преподавании философии. Пусть это будет только один аспект проблемы, но аспект самый важный, отличающий гуманитаристику от естествознания и тем самым определяющий пространство всякого подлинного философствования, неотделимого от прозрений своих великих творцов.

В аудитории я должна мыслить о философии, мыслить философски перед лицом, точнее, многими лицами будущих физиков, математиков, биологов и другими, ни на минуту не забывая, что передо мной те, для кого философия — чужая затея и чужая забота. Но если даже в какой-то момент мне удастся снять эту чуждость, она всегда может возникнуть вновь, сводя на нет все мои предыдущие усилия. Впрочем, не усилия, а состояние собственного духа, в котором нет и не может быть усилий, если я — философ и я — преподаватель. И все-таки, пусть поверят мне уважаемые физики и математики, это очень трудно — все время, ни на мгновение не поки-

дать высоты философствования как мысли и слова о предельном, когда нельзя обрести надежную устойчивость в сфере жестких дефиниций и законов, формул, дат, событий и т.д. Парадоксально, но оказывается легче работать на собственном факультете, ибо здесь моя свобода и мои знания сразу же находят (должны находить!) отклик в головах учеников, как и я, избравших философию. Здесь надо мной не тяготеет груз полной ответственности за тот образ философии, который создается у студентов. Ведь здесь я не одна, этот образ формируют и мои коллеги, и книги, и соответствующее общение. Иное дело — другие факультеты, где моя ответственность не может быть разделена ни с кем.

Вряд ли многие поколения физиков или математиков, и тем более лучшие умы среди них, серьезно задумывались над образом своей науки, да это им и не нужно. Иначе формулировка «физика — это то, чем занимаются физики» (из серии «физики шутят») не пришлась бы так близко к сердцу самим физикам, но склонным к шуткам, когда дело касается их профессионального достоинства. В противоположность этому саморефлексия составляет одну из главных задач всякого подлинного философствования, выговоренное или чаще невыговоренное решение

© Мещерякова Н. А., 2009

которой сопровождает весь творческий путь философа. И чем он крупнее, тем явственнее ощущается в нем эта интенция. Совсем по Аристотелю: «...что касается незнающих и знающих, то первые полагают, что так обстоит дело, а знающие и знают, что так обстоит дело» [1]. Замечу сразу, что тот кантовский подход, который будет далее приведен, сформулирован мыслителем лишь на закате не только творчества, но и жизни. Тем он, вобравший в себя опыт великого философствования, более всего и интересен.

Философия не имеет предметности, закрепленной в чьей-либо сущности. Иначе она полностью совпала бы с любой другой наукой. Но все, что не имеет своей однозначной связи с вполне определенным и предметно закрепленным сущим, настолько расплывчато и неопределенно, что допускает множество интерпретаций. Если философия восходит к самим основам понимающей мысли (философия как мировоззрение), то и образ философии должен формироваться той очевидностью, где уже нет противоречия между объектом и субъектом, духом и материей, истинной и методом. Мышление, рожденное этой взаимной открытостью, встречей, в которой мир, становясь бытием, обретает свое смысловое измерение, и есть мышление философское. Послушаем Канта: «...Философия есть система философских знаний, или рациональных знаний из понятия. Таково *школьное* понятие этой науки. По *мировому* же понятию (*Weltbegriff*) она есть наука о последних целях человеческого разума. Это высокое понятие сообщает философии *достоинство*, т.е. абсолютную ценность. И действительно, она есть то, что одно только и имеет *внутреннюю* ценность и впервые придает ценность всем другим знаниям» [2].

Образ философии, являющей собой некую систему понятий, добытых с помощью простых обобщений результатов научных изысканий, является самым распространенным и самым непродуктивным как для самой философии, так и для науки. Но именно этот образ заставляет философию, которую Кант и называет «школьной», суетиться вокруг не своего богатства, выдавая эту суету за связь с наукой. Наука легко отдает то, что ей совсем не жаль — абстрагированное из ее содержания безжизненное общее, и ницшевское «...перед ними лежит всякая птица ощипанной» [3] есть адекватная характеристика соответствующей ситуации в философии, а точнее, с философией. Не в этой ли ситуации рождается «медь звенящая» наших мертвых слов, ограничивающих все учение об истине утверждением о ее объективности, а если субъективность, то

только на правах (точнее, в бесправию!) ошибки; об онтологии, очищенной от всяких следов человеческого участия в бытии; о личности, в которой студент никогда не опознает самого себя... Мною названы только основополагающие идеи курса, с остальными дело обстоит не лучше. Думаю, что человека, даже склонного к философии, дискурс вокруг «ощипанной птицы» скорее оттолкнет, чем заинтересует.

«О, ребяческие нелепости (в другом месте «О, глупости унылые!». — *Н. М.*) И ради них мы морщим лоб? Ради них отпускаем бороду? Им обучаем людей, унылые и бледные» [4]. Прошли почти два тысячелетия со времени этого горестного признания Сенеки, столетия после кантовского предостережения против увлечения «школьной» философией, философия сама отказалась от притязаний позитивизма на роль философии науки, но бледность и унылость наших педагогических опытов, похоже, не убиены. И как закономерный итог — готовность студентов, равно как и выпускников, естественных (!) факультетов перенести свое «метафизическое чувство» [5] на что угодно — Бога, восточную мистику, инопланетян и др. Так не лучше ли было бы вместо идеи введения в государственных учебных заведениях обязательных курсов или факультативов, апологетизирующих религию и религиозную этику (предприятие, как известно, весьма неоднозначно воспринимаемое) серьезно задуматься о преподавании философии, пересмотрев как его цель, так и соответствующую этой цели программу.

Вот как формулируется данная цель сегодня: «Развитие у студентов интереса к фундаментальным знаниям, стимулирование потребности к философским оценкам исторических событий и фактов действительности, усвоение идеи единства мирового историко-культурного процесса при одновременном признании многообразия его форм» [6]. Нельзя не увидеть, что каждый из названных пунктов, может быть, сам по себе и хорош, но, собственно, к философии ни один из них прямого отношения не имеет. Перечитав еще раз представленную формулировку цели преподавания философии, перестаешь удивляться тому, что духовность и религиозность в нашем общественном сознании выступают как синонимы. С таким подходом мы и философскую антропологию умудримся так преподнести, что она окажется религиозной. Или марксистской. Или эклектичной. Выбор не богат.

* * *

Двадцать лет назад один из самых интересных философов советского периода, философ,

пожалуй, наиболее почитаемый свободно мыслящей отечественной интеллигенцией, Мераб Мармардашвили говорил в своей беседе с журналистами: «Я уверен, что те, кто вводил преподавание философии на нефилософских факультетах, преследовали решение совершенно иной задачи, чем та, что диктуется самой философией. <...> И люди знали, что они преподают вовсе не философию; их задача была другой — создать некоторое единомыслие. Отсюда, по этой схеме, выросла внешняя структура преподавания философии в высшей школе. Была выстроена концепция философии, которая с природой философии не считалась» [7, с. 25]. Преподавание философии, не считающееся с природой философии, — диагноз совершенно точный. И если это не приговор, и вузовская философия еще жива, то только потому, что во все времена были преподаватели, которые изыскивали возможность вклинить в свои лекции нечто, программами не предусмотренное или выбивающееся за пределы предписываемых программами объяснений.

Прошло двадцать лет. Но разве что-нибудь существенным образом изменилось в нашем преподавании философии? Той «школьной философии», которую мы преподносим студентам, по-прежнему нет дела до человека. У заброшенного нами в мир глобальных структур (социум, культура, наука и пр.) «нашего человека» всегда незавидная участь быть носителем чего-то гораздо более важного, чем он сам. Но если философии нет дела до человека, то какое дело человеку до философии?!

Бесспорно, при всей важности собственно антропологической проблематики не менее важны и другие философские проблемы — онтологические, гносеологические и др. Мир как предмет философской рефлексии — это не тот мир, который представлен физикой, биологией и любой другой наукой. И вовсе не потому, что кто-то ошибается. Философ, в отличие от физика, биолога и даже историка, не может исходить лишь из того образа мира, который предуготовлен движением объективной истины. А если весь его мир таков, то он просто перевел физику или историю на язык всеобщего, он — переводчик, а не философ, и его мир не философский. «Мирность есть... сама экзистенциал» [8]. Философский мир всякий раз рождается в дорефлективной глубине человеческого духа, являющей собой тот самый экзистенциал мирности, о котором говорил Хайдеггер. Человек дарует (именно дарует!) миру его смысловое измерение, опредмеченные формы которого и существуют как философские учения и направления. А потому задача препода-

вания философии состоит прежде всего в актуализации соответствующего экзистенциала. Тогда и только тогда преподносимые нами идеи будут восприниматься нашими учениками как результат их собственной мыслительной деятельности, лишь закрепленной в предлагаемых лектором понятиях. Не потому ли на хорошей лекции по философии у хорошего студента часто возникает вполне оправданное впечатление, что это не он следует за мыслью лекции, а лекция следует за его мыслью. Всякая подлинная философия существует лишь тогда, когда прикоснувшийся к ней человек может сказать: я тоже пережил то, о чем она сегодня поведала мне, «хотя и не знал, что это так называется и, более того, не знал, что об этом так можно говорить» [7, с. 24]. В этом сложном и противоречивом процессе феноменологического опыта истины содержится вся интрига понимания, объяснения и интерпретации, объединенных Сократом в едином понятии «майевтика».

Надо ли говорить о том, что создаваемая преподавателем ситуация, в которой студент и философия открываются навстречу друг другу, является действительным «моментом истины» педагогического процесса. Пусть ни сейчас, ни потом наш ученик так и не раскроет платоновских диалогов или кантовских «критик», но в нем останется это ощущение причастности к чему-то большому, умному, которое, к сожалению, не вошло в жизненную программу, связанную с физикой, математикой и пр., но все же хоть на мгновение стало частью его жизни: что-то было, что-то случилось, «ты был там», и что-то раскрылось в тебе. Раскрылось и осталось. Осталось то, что нельзя проверить никакими тестами, рассчитанными на механическую память, словно в насмешку именуемыми «проверкой остаточных знаний». В своей статье, специально посвященной проблеме образования, основоположник философской антропологии XX века М. Шелер пишет: «Одно из лучших популярных определений «образовательного знания» принадлежит Уильяму Джеймсу: «Это то знание, о котором не нужно вспоминать и о котором нельзя вспомнить»» [9]. Вспомнить нельзя, но ощутить его присутствие можно; может быть, это и есть то подлинное «остаточное знание», для которого нет срока действия.

* * *

Всякий радикализм опасен, потому что там, где он появляется, исчезает сама проблема, а следовательно, и возможность ее позитивного решения. Но радикализм — это очень «по-наше-

му!» Вот и Мамардашвили не удержался от соблазна: «Природа философии такова, что невозможно (и, более того, должно быть запрещено) обязательное преподавание философии будущим химикам, физикам, инженерам в высших учебных заведениях. Ведь философия не представляет собой систему знаний, которую можно было бы передать другим и тем самым обучить их» [7, с. 14]. Как согласиться с этим предложением (запретом!), если всего несколькими строками ранее сам же автор говорит о связи философии с духовным развитием личности? Еще точнее у Шелера: «У человека нет выбора — формировать или не формировать у себя метафизическую идею и метафизическое чувство... Сознательно или бессознательно, благодаря собственным усилиям или из традиции — человек всегда *необходимо имеет* такого рода идею и такое чувство» [5]. Так почему же кому-то дано право духовного развития личности, а кому-то нет, кто-то имеет «право на жизнь» этого метафизического чувства, а кто-то нет? И эту «духовную дискриминацию» вряд ли можно преодолеть на путях, предлагаемых Мамардашвили: «Люди, желающие приобщиться к философии, должны ходить не на курс лекций по философии, а просто к философу. Это индивидуальное присутствие мыслителя, имеющего такую-то фамилию, имя, отчество, послушав которого можно и самому прийти в движение. Что-то духовно пережить...» [7, с. 15]. Чтобы желать к чему-то приобщиться, человек должен знать, к чему он хочет приобщиться. А откуда же возьмется это знание, если философия как учебная дисциплина не существует? Что-то, где-то, когда-то слышал... А если не слышал? Или слышал заманчивые речи активиста от эзотерики и т.д.?

Вопрос о преподавании философии на нефилософских факультетах должен ставиться не в плане преподавать или не преподавать, а как преподавать, какова должна быть концепция преподавания, структура курса и пр., вытекающие из природы самой философии. Поскольку эта природа одна, здесь не должно быть существенных различий в зависимости от специализации студента. Различными могут быть аранжировки, акценты, примеры, приложения как вовлекаемые в курс предметности, но не самая суть, самый нерв философии и философствования.

В обзоре исследования ЮНЕСКО о преподавании философии в мире отмечается: «Новое исследование состояния преподавания философии призвано выявить ряд проблем, связанных с недостаточностью преподавания философии и искажением ее преподавания, и открыть перс-

пективы для пересмотра и переработки учебных программ. <...> Главная же задача ЮНЕСКО — обеспечение всеобщего права на философию» [10, с. 5]. «Всеобщее право на философию» — это вовсе не красивая формулировка, каковой философия оправдывает свое пребывание на факультетах, это признание одного из естественных прав человека, права на свою особость, безмерность, которой тесно в рамках любой частной (частичной!) науки; права на свободу и творчество, награждающего мир смыслом и ценностями; права на поиски себя в этом несовершенном и никогда не завершаемом мире, отнюдь не озабоченном судьбой каждого из нас. В философии нет самодовольства прогресса, и зов ее не зависит ни от эпохи, ни от характера и типа культуры, ни даже от возраста. «Дети начинают «философствовать» очень рано, — отмечается в исследовании ЮНЕСКО. — Уже с трех лет они задаются вопросами о смерти, о происхождении вещей, о земле, о Боге, о дружбе и любви, о том, что значит быть взрослым, о смысле жизни» [10, с. 6].

Воистину философия в корнях наших. Но только та философия, которая отвечает своему понятию — «любовь к мудрости».

* * *

Философия в корнях наших. И это только другая формулировка признания «метафизического чувства», имманентного человеку. Неопредмеченное, немое, подобное сартровскому ничто, оно ищет своего утоления в адекватной себе мысли, чтобы стать чем-то, обрести себя и заявить о себе. Пространство этой мысли, куда мы и должны ввести своих учеников, не вызывает сомнений — это история философии. Где же еще можно найти подлинную философию, как не у ее творцов? Как может быть по-другому? Оказывается, может, подтверждением чему является сложившаяся в течение многих десятилетий традиция нашего преподавания.

Каждый учебный курс имеет свою структуру, самым зримым образом выражающую соответствующую концепцию. Как же структурируется учебный курс по философии? В примерной программе преподавания философии, рекомендованной учебно-методическим объединением университетов России и свято выполняемой в нашей практической деятельности, курс философии разбит на два раздела, примерно одинаковых по количеству отводимых на них часов: история философии и философские проблемы. Вдумаемся — можно ли историю философии отрывать от философских проблем, а философские проблемы вырвать из контекста прозрений

философских гениев, всегда являющих собой «здесь и сейчас» философии. Что должен говорить лектор в разделе «история философии», как не о «философских проблемах»? Второй же раздел, в его структурной отделенности от первого, предполагает позицию лектора, вещающего от имени абсолютной истины. История философии выглядит теперь лишь подготовкой к сегодняшнему дню, который разрешил, наконец, проблемы, представляющиеся исключительно по недомыслию вечными. А как иначе я должна представлять «философские проблемы», если имена великих мыслителей я уже назвала, скелеты их учений в клеточки заранее приготовленных схем (материализм, идеализм, эмпиризм, рационализм и т.д.) уложила, теперь самое время заявить и о «философских проблемах». При этом вся логика педагогического процесса требует, чтобы в своей голове я имела не столько проблемы, сколько готовые решения, иначе просто не смогу организовать материал, анализ которого искусственно прервался самим разделением курса на соответствующие части. Вот и получается, что Хайдеггер не знал, что такое бытие и не боялся открыто признаваться в этом своем незнании, а я знаю. Философия вот уже два с половиной тысячелетия мучается проблемой сознания, а мне-то что за дело до этих мучений, я с мудрым видом вымолвлю, что сознание есть отражение, и пусть себе гуссерлевская мысль наконец-то успокоится, обойдемся и без нее. А поскольку всю субъективность я, как и положено материалисту, сведу к сознанию, то с большим облегчением отдам дух религии, а душу — психологии. Впрочем, учитывая состояние современной психологии, нами же возвращенной, скорее всего и то, и другое окажется только там, где им всегда рады, — в религии, конечно.

Рассматриваемая ситуация с преподаванием философии, которую не спасают никакие новые имена и направления, более всего поражает своим консерватизмом. Однако раньше хоть было понятно, зачем нужна была педагогическая задумка пройтись хирургическим скальпелем по живому телу философии. Эта операция полностью соответствует эпохе, когда марксизм вообще и марксистская философия в частности представлялись истиной в последней инстанции, от имени которой и должен был выступать отечественный философ. Выступать важно, как в таких случаях иронизировал Кьеркегор, «монотонно и с достоинством». Но сейчас-то зачем? Видимо, уже незачем, а почему? Потому что так легче читать, легче контролировать, вместо сложного процесса самораскрывающейся про-

блемной глубины следует простое информативное повествование. Но если информация есть новый Бог современности, то уж точно не Бог философии и даже не ее заступник и покровитель. С современностью и вообще со временем у философии, как и у любой сферы гуманитаристики, свои счеты, а значит и свои счеты с историей философии, которая, как это ни покажется естественнику парадоксальным, является основой формирования как исследовательского, так и педагогического пространства, именуемого «философскими проблемами». Действительно, любой текст крупного современного философа всегда включает в себя мыслительный опыт предшественников. И это вовсе не контекст, не подборка имен и концепций, а живая подвижная полнота текста в его нерасчлененности на «они» и «я», «до» и «после» и т.д.

Все сказанное меняет смысл не только того, что именуется «философскими проблемами», но и самой истории философии. В новой книге Ф. Гиренка, как всегда являющей собой оригинальную и яркую мысль автора, один из разделов носит броское название, казалось бы, способное насторожить любого, кто видит в истории философии живой источник самой философии: «Почему история философии губит саму философию?». Однако яркость и афористичность не всегда способствуют адекватности понимания, что легко обнаруживается в очень показательном сравнении двух прочтений истории философии. «Делез приводит в движение Лейбница, оживляет его... И мы слышим живой, а не могильный голос Лейбница. Когда же Лейбница читает Куно Фишер, он создает из него кладбище мыслей» [11, с. 17—18]. «Сообщение о философии они сделали философией» [11, с. 18], — вот такую историю философии отвергает Гиренок, и в этом он, безусловно, прав.

* * *

Не всегда находишь там, где ищешь. И тогда неожиданная находка воспринимается как подарок. Именно таким подарком явилось для меня рассуждение известного философа XX века Х.-Г. Гадамера. Приведу его мысль целиком, ибо она имеет прямое отношение к анализируемой ситуации, хотя, собственно, педагогике и не посвящена. «К элементарному опыту философствования относится то, что классики философской мысли, когда мы пытаемся понять их, выдвигают такое притязание на истину, которое современное сознание не в силах ни отклонить, ни превзойти. <...> Многие склонны видеть определенную слабость современного философствования»

ния в том, что оно приступает к истолкованию и разработке классического наследия со столь откровенным признанием собственной несостоятельности. Совершенно ясно, однако, что гораздо большей слабостью философской мысли является такая установка философствующего, когда он предпочитает вовсе не подвергать себя подобному испытанию и валять дурака на свой страх и риск. Тот факт, что при понимании текстов этих великих философов постигается истина, недостижимая никаким другим путем, следует признать, даже если подобное признание противоречит тому масштабу настойчивого исследования и непрерывного прогресса, которым современная наука меряет самое себя» [12].

Все здесь точно и прозрачно; все выверено собственным опытом философствования; все, включая и оценку попытки под флагом современности построить свою доморощенную философию — «валять дурака на свой страх и риск».

Но ведь и я о том же! О том, что встреча с бытием как непосредственной смысловой соотносительностью духа и мира не зависит от исторической эпохи. Эта встреча абсолютна и безусловна, как абсолютен и безусловен философский гений. «Вечности заложник у времени в плену» (Б. Пастернак) — не только поэт. «Творец, художник, гений — всегда маргинал, вываливающийся и выпадающий, если не выдирающийся из «здесь и сейчас», личность вне пространства и вне времени, а точнее — личность в абсолютном пространстве и абсолютном времени бытия» [13].

Гений прорывает горизонты своей конкретно-исторической конечности, будь то культура, наука и даже собственный опыт. Однако, вырвавшись за пределы этой конечности, а следовательно, и ограниченности, он тут же опредмечивает свой прорыв в бесконечное («вечности заложник») конечными формами соответствующей эпохи («у времени в плену»). Адепты, последователи и другие сталкиваются именно с этими конечными формами и именно их ограниченность выдают за подлинное содержание гениальных открытий: обмирщение, тождественное опошлению.

«Учение» мыслителя есть несказанное в его сказанном» [14], — такими словами Хайдеггер предваряет анализ платоновского учения об истине. Разговорить несказанное, услышать голос бытия, как когда-то его услышал гений — вот

задача той истории философии, которая имманентна самой философии, ее проблематике, актуальной для современности. Устаревают формы, в тисках которых бьется живая мысль философского гения, а потому не они, а эта мысль, всегда несущая в себе еще нераскрытые возможности своего дальнейшего движения, должна задавать проблемное пространство нашей лекции. И если нам это удастся, то сама история философии предстает не как последовательность мертвых форм, а как становление и движение проблемы к ее современным решениям и перспективам.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аристотель*. Вторая аналитика / Аристотель // Соч. : в 4 т. — М. : Мысль, 1978. — Т. 2. — С. 259.
2. *Кант И.* Логика : пособие к лекциям. 1800 г. / И. Кант // Трактаты и письма. — М. : Наука, 1980. — С. 331.
3. *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра / Ф. Ницше // Соч. : в 2 т. — М. : Мысль, 1990. — Т. 2. — С. 209.
4. *Сенека Л. А.* Нравственные письма к Луцилию / Л. А. Сенека. — М. : Наука, 1977. — С. 80.
5. *Шелер М.* Философское мировоззрение / М. Шелер // Избр. произведения. — М. : Гнозис, 1994. — С. 4.
6. Примерная программа дисциплины «Философия» / сост. Т. Б. Карулина, В. М. Мапельман ; рек. УМО ун-тов России (отделение философии) ; утв. 3 июля 2000 г. — URL : (<http://www.edu.ru/db/portal/spe/progs/hf.10.htm>).
7. *Мамардашвили М. К.* Как я понимаю философию / М. К. Мамардашвили. — М. : Прогресс, 1990. — С. 25.
8. *Хайдеггер М.* Бытие и время / М. Хайдеггер. — М. : Ad Marginem, 1997. — С. 64.
9. *Шелер М.* Формы знания и образование / М. Шелер // Избр. произведения. — М. : Гнозис, 1994. — С. 36.
10. Преподавание философии в мире (обзор исследования ЮНЕСКО «Философия. Школа свободы») / авт. обзора Е. О. Труфанова // *Вопр. философии*. — 2008. — № 10.
11. *Гиренок Ф.* Удовольствие мыслить иначе / Ф. Гиренок. — М. : Академический Проект, 2008. — С. 17—18.
12. *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод : Основы философской герменевтики / Х.-Г. Гадамер. — М. : Прогресс, 1988. — С. 39—40.
13. *Тульчинский Г.* Тело свободы / Г. Тульчинский // Эпштейн М. Философия тела. — СПб. : Алетей, 2006. — С. 385.
14. *Хайдеггер М.* Учение Платона об истине / М. Хайдеггер // *Время и бытие* : статьи и выступления. — М. : Республика, 1993. — С. 345.

*Воронежский государственный университет
Мещерякова Н. А., доктор философских наук,
профессор кафедры онтологии и теории познания*

*Voronezh State University
Mescheryakova N. A., Doctor of Philosophy,
Professor at the Department of Ontology and
Theory of Knowledge*